

Ф. Бласс

Герменевтика и критика

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Ф11

Ф11 **Ф. Бласс**
Герменевтика и критика / Ф. Бласс – М.: Книга по Требованию, 2014. – 200 с.

ISBN 978-5-4241-4496-7

Герменевтика и критика

ISBN 978-5-4241-4496-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

К р и т и к а.

1. Введение.

Область и задача критики вообще (§ 1), стр. 133.

Дѣленіе ученія о критикѣ (§ 2), стр. 135.

2. Происхожденіе ошибок и ихъ категоріи.

Искаженія отъ пропусковъ (§ 3), стр. 136.

Интерполяціи (§ 4), стр. 140.

Древность интерполяцій (§ 5), стр. 142.

Интерполяція у поэтовъ (§ 6), стр. 145.

Двойныя рецензіи (§ 7), стр. 147.

Перестановки (§ 8), стр. 149.

Различнаго рода описки (§ 9), стр. 151.

Искаженія отъ корректуръ и примѣчаній (§ 10), стр. 155.

Неодинаковая степень искаженности различныхъ произведеній (§ 11), стр. 157.

Искаженія отъ невѣрнаго словодѣленія и невѣрной постановки знаковъ препинанія и просодическихъ (§ 12), стр. 158.

Псевдэпиграфы (§ 13), стр. 159.

Псевдэпиграфы въ философской и мистической литературѣ (§ 14), стр. 163.

Псевдэпиграфы у римлянъ (§ 15), стр. 164.

3. Поводы критическаго сомнѣнія.

Затрудненія по части языка (§ 16), стр. 165.

Затрудненія относительно смысла и индивидуальнаго характера (§ 17), стр. 168.

Затрудненія (историческаго) и техническаго характера (§ 18), стр. 168.

4. Критическіе приемы.

Составленіе критическаго аппарата (§ 19), стр. 170.

Нерѣдкіе случаи сохраненія той рукописи, изъ которой вытекаютъ всѣ остальные (§ 20), стр. 171.

Болѣе сложныя отношенія рукописей между собою (§ 21), стр. 174.

Достоинство рукописей (§ 22), стр. 176.

Древніе переводы (§ 23), стр. 178.

Древніе комментаріи и схолии (§ 24), стр. 179.

Цитаты и подражанія у позднѣйшихъ (§ 25), стр. 180.

Устройство критическаго аппарата (§ 26), стр. 181.

Установленіе текста (§ 27), стр. 182.

Конъектуральная критика (§ 28), стр. 183.

5. Критика подлинности.

Внѣшнія данныя (§ 29), стр. 186.

Историческія данныя противъ или въ пользу подлинности (§ 30),
стр. 188.

Аргументація при случаяхъ сходства и при повтореніяхъ (§ 31),
стр. 190.

Аргументація на основаніи несоотвѣтствія и противорѣвій (§ 32),
стр. 192.

Значеніе мелкихъ признаковъ (§ 33), стр. 193.

ВВЕДЕНИЕ [1].

1. Исторія герменевтики и критики.

§ 1. *Зачатки герменевтики у греков. Глоссографы.* Герменевтика, т. е. искусство понимать устную или письменную рѣчь вообще и, въ особенности, произведенія древнихъ писателей, стала предметомъ методическаго изученія только въ новѣйшее время, и лишь съ недавнихъ поръ методика герменевтики успѣла превратиться въ особую развитую отрасль науки. То же самое мы можемъ сказать и о смежномъ съ герменевтикою искусствѣ, о филологической критикѣ, задача которой состоитъ въ томъ, чтобы взвѣсить и оцѣнить данное произведеніе словесности по отношенію къ тому, чѣмъ ему слѣдовало быть. Но, какъ вообще появленіе всякаго искусства обыкновенно предшествуетъ теоретическому изученію его (укажемъ въ видѣ примѣра на процвѣтаніе классической греческой поэзіи, предшествовавшее поэтикѣ Аристотеля), такъ и самое примѣненіе герменевтики и критики на дѣлѣ гораздо древнѣе методическаго ихъ изученія. Для насъ не лишено интереса взглянуть, что достигнуто древними въ толкованіи и въ критикѣ своихъ же собственныхъ авторовъ, и какъ они сами смотрѣли на это дѣло. Это были преимущественно officia грамматиковъ, которые, знакомя другихъ, младшихъ, съ литературными произведеніями, должны были, конечно, прежде всего сами основательно понимать и умѣть оцѣнить эти произведенія. Такіе грамматикѣ существовали въ Греціи съ очень древнихъ временъ, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ появилась и начала преподаваться въ школахъ литература. Первымъ изучаемымъ литературнымъ произведеніемъ были преимущественно поэмы Гомера, которыя мало-по-малу получили во всѣхъ греческихъ городахъ значеніе книги, съ которой начиналось и обученіе чтенію. Но эту книгу вовсе не такъ легко было понимать; для аѳинянъ классическаго и для александрійцевъ эллинистическаго періода она представляла въ этомъ отношеніи не меньше трудностей, какъ для современныхъ „Нибелунги“ [или для русскихъ „Пѣснь о полку Игоревѣ“]. Поэтому аѳинскіе школьные учителя (γραμματιστοί) должны были много заниматься, если не ученымъ объясненіемъ, экзегетикою, то по кр. м. простымъ истолкованіемъ, герменевтикой, а также прибѣгать и къ критикѣ—въ виду массы описокъ, неизбѣжно встрѣчавшихся въ подручныхъ спискахъ. Слова ἑρμηνεία и ἑρμηνεύειν, употреблявшіяся уже въ атти-

[1] Примѣчанія и дополненія переводчика помѣщены въ лозаныхъ скобкахъ. Поправки въ ссылкахъ и цитатахъ не обозначены особо.]

ческий периодъ, происходятъ отъ существительнаго ἑρμηνεύς, встрѣчающагося уже у Пиндара и Эсхила. Последнее обозначаетъ не только „переводчика“, но и въ болѣе обширномъ смыслѣ „толкователя“, какъ нѣм. Dolmetsch¹⁾; ἑρμηνεύς — тотъ, кто передаетъ понятнымъ языкомъ непонятное, чужестранное. Происхожденіе этого слова не совѣтъ ясно: вѣроятно, что оно находится въ связи съ именемъ бога Ἑρμῆς, и что первоначально это слово обозначало вѣстника, передающаго чье-либо повелѣніе. Но глаголь ἑρμηνεύειν встрѣчается уже у Фукидида въ гораздо болѣе обширномъ смыслѣ, именно въ значеніи изложенія своихъ собственныхъ мыслей посредствомъ рѣчи, что тоже представляется своего рода „переводомъ“²⁾. Въ томъ же смыслѣ употребляется и ἑρμηνεία у Платона, у Ксенофонта и у Аристотеля, который въ своемъ сочиненіи, озаглавленномъ Περὶ ἑρμηνείας, трактуетъ о предложеніи и сужденіи. Наконецъ, въ риторикѣ это слово служить техническимъ терминомъ, въ значеніи „выраженія“, въ противоположность „мысли“, какъ напр. въ сочиненіи Деметрія, озаглавленномъ Περὶ ἑρμηνείας. Тутъ уже значеніе слова ἑρμηνεία замѣтно удаляется отъ того, что мы здѣсь понимаемъ подъ герменевтикою. Въ латинскомъ яз. *interpres* довольно близко подходитъ по значенію къ греческому ἑρμηνεύς; производныя же *interpretari* и *interpretatio*, хотя и имѣютъ болѣе обширное примѣненіе, чѣмъ *interpres*, но всё-таки не получаютъ столь отдаленнаго значенія, какъ ἑρμηνεύειν, а всегда обозначаютъ истолкованіе, обсужденіе и проч. чего-либо чужаго, недоступнаго непосредственному пониманію.— Аттичскіе школьные учителя, герменевты Гомера, вѣроятно, ограничивались тѣмъ, что, на подобіе переводчиковъ, непонятное слово просто замѣняли извѣстнымъ, какъ напр. μῆνιν, въ 1 стихѣ Иліады, словомъ ὀργήν. Къ такимъ непонятнымъ словамъ уже рано сталъ примѣняться тотъ же самый терминъ, которымъ обозначается и весь составъ языка: γλῶττα. Такъ напр. уже у Аристофана въ комедіи *Δαιταλῆς* старикъ говоритъ своему распущенному сыну: πρὸς ταῦτα σὸ λέξον Ὀμήρου ἐμοὶ γλῶττας, τί καλοῦσι κόρυμβα; и затѣмъ: τί καλοῦσι ἀμεινὰ κάρηνα;³⁾. Γλῶττα, говоритъ Аристотель⁴⁾, обозначаетъ названіе, принятое другими, κύριον же — принятое самимъ говорящимъ, такъ что одно и то же слово можетъ быть у одного κύριον, у другаго γλῶττα. Впослѣдствіи нуждающееся въ поясненіи слово стало называться также γλῶσσημα, между тѣмъ какъ, страннымъ образомъ, въ настоящее время глоссемами принято называть слова, вставленные въ текстъ, для поясненія, на мѣсто подлинныхъ, но

¹⁾ Plat. Ion 534 E: οἱ δὲ ποιηταὶ οὐδὲν ἄλλ' ἢ ἑρμηνεῖς τῶν θεῶν εἰσιν.

²⁾ Thuk. II 60: γυνῶναί τε τὰ δέοντα καὶ ἑρμηνεύσαι ταῦτα.

³⁾ Aristoph. Irg. 222 ed. Kock (Com. Att. fr. I p. 448).

⁴⁾ Aristot. Poët. c. 21.

темныхъ выраженій. — Пониманіе этихъ γλῶτται: являлось у грамматистовъ не самостоятельно, а благодаря устному преданію, или же почерпывалось изъ книгъ, ибо вѣроятно, что уже рано существовали гомеровскіе словари. Сочинители такихъ словарей, οἱ γλωσσογράφοι, нерѣдко упоминаются въ александрійскихъ схоліяхъ къ Гомеру. Ихъ знаніе и приемы свидѣтельствуютъ о томъ, что филологія была тогда совсѣмъ еще въ состояніи младенчества: не думая долго, они подставляли вмѣсто непонятнаго слова какое-либо другое, общепонятное, лишь бы только оно хоть приблизительно казалось подходящимъ къ смыслу даннаго мѣста. Укажемъ слѣдующіе примѣры: δ 206: τοίου γὰρ καὶ πατρός, τοίου = ἀγαθοῦ. Ω 163 сл.: ἀμφὶ δὲ πολλὴ κόπρος ἔην κεφαλῇ τε καὶ αὐχένι τοιο γέροντος, τοιο = ἀγαθοῦ. Ψ 454: ὅς τὸ μὲν ἄλλο τόσον φοῖνιξ ἦν, τόσον = σῶμα (подобнымъ образомъ X. 322). Γῆρας ὁμοίου, ὁμ. = κακόν. Поэтому нечего удивляться, что и сами поэты часто употребляли гомеровскія слова весьма неправильно, какъ напр. Архилохъ κροαίνειν = ἐπιθυμεῖν, въ виду Z. 507 πεδίοιο κροαίνων; или же ὑπέρτερος = νεώτερος, въ виду Λ. 786, гдѣ Менойтій говоритъ Патроклу: γενεῇ μὲν ὑπέρτερός ἐστιν Ἀχιλλεύς, πρεσβύτερος δὲ σὺ ἐσσι. Въ „Эантѣ“ Софокла ἔγχος встрѣчаемъ въ значеніи меча, ибо такъ понимали это слово и въ стихѣ Н. 255: τὸ δ' ἐκπασσαμένῳ δολίχ' ἔγχεα.

A. Gracfenhan, Geschichte der klassischen Philologie im Alterthum. 4. т. Боннъ 1843—50.—О глоссографахъ см. K. Lehrs, De Aristarchi studiis Homericis (1882) p. 36 sqq.

§ 2. *Зачитки ученой экзегетики у грековъ.* Рядомъ со школьнымъ объясненіемъ Гомера существовалъ въ аттической періодъ еще другой, высшій способъ толкованія его. Отдѣльные ученые, начиная съ Θεагена Регинскаго, котораго относятъ къ концу VI вѣка, стали, какъ устно, такъ и въ особыхъ сочиненіяхъ раскрывать потаенный смыслъ (τὰς ὑπονοίας) гомеровскихъ поэмъ, усматривая въ мѣстахъ и вообще въ повѣствованіяхъ Гомера аллегорическое изложеніе разныхъ истинъ изъ области этики или физики. Таковы были Метродоръ изъ Лампсака, ученикъ Анаксагора, извѣстный Стесимбротъ Θεасійскій и мног. друг. Къ ихъ дѣятельности примѣнялось выраженіе ἐξηγεῖσθαι¹⁾, которое, впрочемъ, въ аттической періодъ не имѣло техническаго значенія, кромѣ въ примѣненіи къ толкованію священнаго права экзегетами (ἐξηγηταί). Въ этомъ словѣ содержится указаніе на руководство, и поэтому оно обозначаетъ болѣе свободное изъясненіе, не одну лишь простую передачу. Рапсоды, произносившіе гомеровскія поэмы, ничего не знали о такомъ аллегорическомъ объясненіи, хотя и приводили, судя по кр. м.

¹⁾ Plat. Cratyl. 407, A; ср. Ion 531, A.

по „Иону“ Платона, весьма многое въ поясненіе поэта. Идеалъ занимающихся поэтами настоящіе софисты, какъ видно изъ платоновскаго „Протагора“. Они занимались не только экзегетикой, но и критикой; они порицали. По поводу стиха *Μῆνιν ἄειδε θεὰ... σὺλομένην* Протагоръ замѣчаетъ, что *μῆνις* должно было бы быть мужскаго рода; по поводу *ἄειδε* онъ спрашиваетъ, какъ можетъ поэтъ повелѣвать музѣ? Въ стихотвореніи Симонида платоновскій Протагоръ находитъ рѣзкое противорѣчіе. Зато противъ порицателей появились и защитники, а эта игра остроумія, заключавшаяся въ отыскиваніи трудностей и неровностей, съ одной стороны, и въ разрѣшеніи ихъ, съ другой, распространялась все болѣе и болѣе въ кругу образованныхъ. Соответствующіе термины были: *κατηγορεῖν* — *ἀπολογεῖσθαι*, *ἔνστασις*, *ἐνστατικὸς*, *λύσις* (*ἐπιλύειν*) *λυτικοί*, *ἀπορία*, *πρόβλημα*, *ζήτησις*. Какъ *ἐνστατικὸς* особенно выдавался Зоилъ изъ Амфиполиса съ своими 9 книгами *καθ' Ὀμήρου*, въ числѣ же *λυτικοί*—Аристотель, написавшій *Ἀπορήματα* (*Πρόβλήματα*) *Ὀμηρικά*. Подвергались порицанію погрѣшности по содержанію, противъ логики и, въ особенности, противъ нравственности. Это, очевидно, относится къ той области критики, которую мы называемъ эстетическою и зачатки которой можно прослѣдить и въ „Лягушкахъ“ Аристофана, и въ трагедіяхъ Еврипида, который иногда явно критикуетъ Эсхила. Мало того, уже киклическіе поэты, какъ напр. авторъ „Кипрій“, пытались разрѣшать противорѣчія Иліады, которыя, очевидно, тогда уже бросались въ глаза; такъ напр. въ „Кипріяхъ“ мы находимъ объясненіе тому, что отецъ Хрисеиды живетъ въ Хрисѣ, между тѣмъ какъ его дочь ваята въ плѣнъ въ Фивахъ: она отправилась было туда на празднество. Такимъ образомъ авторъ поясняетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ содержаніе Гомера. Впрочемъ, все это носило болѣею частью характеръ забавы, вслѣдствіе чего и то, что сдѣлано въ этой области самимъ Аристотелемъ, мало соответствуетъ значенію другихъ его работъ. Но, во всякомъ случаѣ, участіе многихъ даровитыхъ лицъ въ этихъ занятіяхъ подготовило на столько эстетикѣ, что могла наконецъ явиться и теорія искусства Аристотеля.

Аллегорическое толкованіе Гомера: Lobeck, *Aglaophamus I* (1829) 155 слд. — Schradeg, *Porphyrus Quaest. Homer.* (1882) стр 383 слд.—[Ср. Л. Ф. Воеводскій, О занятіяхъ по критикѣ и мнѣлогіи гомеровскаго эпоса, Одесса 1880, стр 14 слд.] — *Ἐνστατικοί* и *λυτικοί*: Lehrg, *De Aristarchi studiis Homericis* (1882) стр. 198 слд. Schradeg стр. 412 слд.

§ 3 *Грамматика у александрійцевъ.* Понятно, что въ аттическій періодъ, отличавшійся преимущественно продуктивностью, филологія еще не могла достигъ особеннаго развитія. За то въ александрійскій періодъ уже появляется *γραμματική* какъ (эмпирическое) искусство: появляется почетное сословіе грамматиковъ (*γραμματικοί*), которые строго

отличаются от грамматистовъ (γραμματισταί), т. е. школьныхъ учителей¹⁾, и первоначально называются преимущественно „критиками“ (критικοί). Этотъ родъ грамматики заключался, главнымъ образомъ, въ изученіи письменныхъ памятниковъ (γράμματα) и вовсе не представлялъ собою того, что мы понимаемъ теперь подъ словомъ „грамматика“. Такимъ образомъ, мы тутъ уже имѣемъ дѣло съ настоящею герменевтикою и критикою, хотя и въ несовершенномъ ихъ видѣ; впрочемъ, какъ доказано знаменитымъ изслѣдованіемъ Lehrs'a, Аристархъ уже былъ филологомъ въ самомъ лучшемъ смыслѣ. Въ „древнѣйшемъ западномъ руководствѣ грамматики“ (понимая это послѣднее слово въ теперешнемъ его значеніи), именно въ сочиненіи Діонисія Θρακίησος, имѣется слѣдующая дефиниція грамматики: γραμματικὴ ἐστὶν ἐμπειρία ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ τῶν παρὰ ποιηταῖς τε καὶ συγγραφεῦσι λεγομένων, „грамматика есть большею частью эмпирическое знаніе того, что встрѣчается у поэтовъ и прозаиковъ“²⁾. Дѣло въ томъ, что грамматика не уклоняется окончательно и отъ знанія такихъ словъ, которыя не встрѣчались у писателей, вслѣдствіе чего и въ самомъ дѣлѣ составлялись неоднократно словари діалектовъ: лаконскаго, италіотскаго и др. Опредѣливъ такимъ образомъ грамматику, Діонисій дѣлитъ еѣ на 6 частей: 1) ἀνάγνωσις ἐντριβῆς κατὰ προσφθιάν, свободное чтеніе съ соблюденіемъ удареній, придыханій и проч.; 2) ἐξηγήσις κατὰ τοὺς ἐνυπάρχοντας ποιητικοὺς τρόπους, объясненіе встрѣчающихся метафоръ и другихъ поэтическихъ выраженій³⁾; 3) γλωσσῶν τε καὶ ἱστοριῶν πρόχειρος ἀπόδοσις, бѣглое знаніе глоссы и фактовъ; 4) ἐτυμολογίας εὗρεσις, нахожденіе основнаго значенія и указаніе происхожденія отдѣльныхъ словъ; 5) ἀναλογίας ἐκλογισμὸς, указаніе законности въ образованіи грамматическихъ формъ; 6) κρίσις ποιημάτων, эстетическая оцѣнка поэтическихъ произведеній, что, по мнѣнію Діонисія, составляетъ самый интересный отдѣлъ грамматики. Таковы officia грамматики. Подобное же, только безспорно лучшее, дѣленіе мы находимъ въ схоліяхъ къ Діонисію⁴⁾, гдѣ указаны слѣдующія четыре части: διορθωτικόν (μέρος), ἀναγνωστικόν, ἐξηγητικόν, κριτικόν, соотвѣтственно чему задача грамматика заключается въ томъ, чтобы сперва исправить данную рукопись, потомъ умѣло прочесть вслухъ, объяснить и, наконецъ,

¹⁾ Sext. Empir. p. 608 Bekker γραμματικὴ — γραμματιστικὴ. Другіе различали μικρὰ γραμματικὴ и μεγάλη, Вк. Anecd. Gr. 658. 667.

²⁾ G. Uhlig (въ Festschrift zur Begrüssung der 36. Philologenversammlung verf. v. d. philol. Collegien an d. Heidelberger Universität, 1882, стр. 73 сл.) доказываетъ, что таково было первоначальное чтеніе этого мѣста, между тѣмъ какъ въ рукописяхъ слова ἐπὶ τὸ πολὺ стоятъ непосредственно предъ λεγομένων.

³⁾ Ср. Turgibon Περὶ τρόπων, Walz Rh. Gr. VIII p. 728.

⁴⁾ Вк. Anecd. 736. Но Узенеру, это дѣленіе установлено Тиранніономъ изъ Амиса, учителемъ Варрона.

оцѣнить съ художественной точки зрѣнія. У Секста Эмпирика (стр. 619, изд. Бекк.) сохранилось дѣленіе самой дисциплины, помимо практической стороны, на три части: *τεχνικόν*, *ιστορικόν* и *ἰδιαιτέρων* (*γραμματικόν* въ тѣсномъ смыслѣ), т. е. по нашему: на грамматику, древности и литературу (знаніе ея и оцѣнку). Собственно, только послѣдняя часть составляетъ настоящую задачу грамматика, но для выполненія ея онъ нуждается и въ двухъ остальныхъ; знаніе глоссы относилось при этомъ, вмѣстѣ съ знаніемъ реалій, къ *μέρος ἱστορικόν*. — Понятно, что грамматика, не ограничиваясь устнымъ преподаваніемъ, стали пзлагать и письменно свои пояснительныя и критическія замѣчанія. Такою *γραμματικῆ ἐξηγήσις* были снабжены уже около Р. Хр. всѣ болѣе извѣстные писатели, въ особенности поэты, и ею, какъ видно по нѣкоторымъ слѣдамъ, сохранившимся, напр. въ Плутарховыхъ „Жизнеописаніяхъ“, древніе пользовались, по всему вѣроятію, столь же усердно, какъ мы теперь пользуемся нашими комментаріями¹⁾. Къ тому слѣдуетъ прибавить еще изданія Гомера и другихъ поэтовъ, приготовленныя знаменитѣйшими грамматиками и снабженныя ихъ критическими знаками, для объясненія которыхъ, въ свою очередь, существовали особыя сочиненія, въ родѣ труда Аристоника *περὶ σημείων Ἰλιάδος* (*Ὀδυσσεύας*). Впрочемъ, выраженіе „критическіе знаки“ слишкомъ узко: эти знаки относились не только къ разночтеніямъ или къ критическому отличенію подлиннаго отъ неподлиннаго, но и къ толкованію, указанію особенностей рѣчи и т. п. До насъ дошли не очень значительныя отрывки древней критики, особенно къ Иліадѣ, да и то большею частью въ весьма сокращенномъ и страшно искаженномъ видѣ. Въ этомъ отношеніи различные писатели находятся въ различномъ положеніи. Большую разницу составляетъ и то обстоятельство, имѣемъ ли мы предъ собою связные комментаріи, каковыя имѣются особенно къ Аристотелю, а также и къ сочиненіямъ нѣкоторыхъ другихъ, напр. Гиппократа и къ рѣчамъ Демосфена, или же только отдѣльныя ученныя замѣчанія о трудныхъ словахъ и упоминаемыхъ писателями предметахъ, что намъ даютъ обыкновенно схолии къ поэтамъ. Для объясненія нѣкоторыхъ писателей, какъ напр. Геродота и Лисія, не дошло до насъ ничего. Мѣсто нашихъ переводовъ у древнихъ заступаютъ парафразы, въ родѣ изданнаго Беккеромъ парафраза Иліады. Въ Берлинѣ находится не изданный папирусный лоскутокъ изъ одного египетскаго училища, заключающій въ себѣ дословный парафразъ начала Иліады: съ лѣвой стороны текстъ, съ правой переводъ на тогдашній обще-

¹⁾ См. введеніе къ «Периклу» въ изданіи Plutarch's *ausgewählte Biographien*, erkl. v. Sicfert u. Blass, 2-ое изд. стр. 65.

греческій языкъ ¹⁾). Уже Аристархъ парафразировалъ Гомера въ своихъ *ὕπομνηματα*, и тотъ же самый методъ объясненія (*ἐρμηνεία*) мы встрѣчаемъ м. проч. и въ нѣкоторыхъ частяхъ нашихъ skoliōi къ Пиндару.

K. Lehrg. De vocibus φιλόλογος, γραμματικός et κριτικός, Кенигсбергск. программа 1838 г. — Dionysios Thrax, новѣйшее изданіе Ульга (Gust. Uhlig) въ Лейпц. 1884 (у Теубнера).—Объ удареніяхъ у древнихъ см. K. Lugebil Zur Frage über die Accentuation der Wörter und Wortformen im Griechischen, въ Rhein. Mus. N. F. XLIII (1888) стр. 2—20 и 220—235.—О парафразѣ у Аристарха м. Lehrgs Arist. 3. изд. стр. 46, 153.—Его-же Die Pindarscholien. Leipz. 1873.

§ 4. *Успѣхи греческихъ грамматиковъ по части экзегезы и критики.* О цѣли, къ которой стремились александрійскіе ученые, можно, какъ мы видимъ, сказать, что она мало разнится отъ задачъ современной науки; однако результаты оказываются съ нашей точки зрѣнія далеко не удовлетворительными. Слѣдуетъ отказаться отъ предубѣжденія, будто древніе должны были непременно лучше понимать своихъ собственныхъ писателей, чѣмъ мы, чужеземцы. Самымъ блестящимъ свѣтиломъ древней филологіи является, безспорно, Аристархъ. О критическихъ правилахъ, которыми онъ руководился, пользуясь массою различныхъ рукописей и изданій Гомера, мы знаемъ лишь немного. Онъ не позволялъ себѣ помѣщать своихъ конъектуръ въ текстъ и отмѣчалъ ихъ особо. Понятно само собою, что совсѣмъ нелѣпыя ошибки, которыхъ нельзя было бы оставить не исправленными, могли встрѣчаться только въ нѣкоторыхъ рукописяхъ или изданіяхъ, но никакъ не во

¹⁾ — — | θεά] Μοῦσα | Πη[ληϊάδεω] τῷ] παιδὶ τοῦ [Πη]λέως | Ἀχιλλέως τοῦ Ἀχιλλέος (sic) | οὐλομένην ὀλεθρίαν | ἢ ἦτις | μυρία πολλά | Ἀχ]αιοῖς τοῖς Ἑλλησι | ἄλκια (sic) κακά | ἔθνη]εν ἐποίησεν | πολ]λὰς δὲ πλείστας δε | ἰφ]θίμους ἰσχυράς | ψ]υχὰς τὰς ψυχὰς | ἡρώων τῶν ἡμιθέων ἀνδρῶν | αὐτοὺς δὲ τὰ δὲ σώματα αὐτῶν | ἐλώρια ἐλκίσματα (sic) σπαράγματα | τεῦχε ἐποίηι | κύνεσι (sic) τοῖς κυσί | οἰωνοῖσί τε πᾶσι καὶ πᾶσι τοῖς σ[αρκ]οφά[γοις] ὠρνέοις (sic) λεγ[ομένοις] | Διὸς δὲ ἡ δὲ τοῦ Διὸς | ἐτελείετο ἐτελειούτο | βουλή γνώμη | ἐξ οὗ δὴ ἀφ' οὗ δὴ χρό[νου] | τὰ πρ[ῶτα] τὴν ἀρχή]ν | διαστήτην διαστη (?)... | — —. На оборотъ: θεῶν — | ἔριδι — | ξυνέηκε — | μάχεσθαι — | Λητοῦς καὶ Διὸς υἱός — | ὁ γὰρ οὕτως (вм. οὗτος) γάρ | βασιλῆι τῷ] βασιλ[εῖ] | χωλωθεῖς (sic) — | νοῦσον λυμικὴν (=λοιμικὴν) νόσον | ἀνὰ στρατὸν ἀνὰ τὸ στρατεύμα | ὤρσεν ἐνέβαλεν | κακὴν κακωτικὴν | ὀλέκοντο δὲ ἀπόλυντο (sic) δὲ | λαοί οἱ ἔχλοи | οὐνεκα τι (вм. ἔτι) δὴ | τὸν Χρῦσιν (sic) τὸν ἱερα (вм. ἱερέα) Χρῦ]σιν | ἡτίμ]ασεν ἀτίμωσ ἀπεκλή]ρυσεν? | ἀρητ]ήρα τὸν ἱερέα | Ἀτρε]ίδης ὁ τοῦ Ἀτρέως παῖς | θεός ταχειάς | ἐ]πι νῆας ἐπὶ τὰς ναῦς | Ἀχα]ίων τῶν Ἑλλήνων | — —. Папирусъ этотъ происходитъ изъ Фаюма; почеркъ крупный; суди по орѳографіи, памятникъ можно было отнести къ позднѣйшему времени, послѣ Р. Хр. Удареній и знаковъ придыханія нѣтъ.

всѣхъ, такъ что въ такихъ случаяхъ въ подтвержденіе правильнаго чтенія всегда представлялась возможность сослаться на преданіе текста, сохранившееся въ остальныхъ рукописяхъ. Въ области же экзегезы Аристархъ, кажется, сталъ первый сознавать, что нельзя ограничиваться объясненіемъ однихъ только $\gamma\lambda\omega\sigma\alpha\iota$, и что, напротивъ, именно самыя обыкновенныя на видъ слова имѣютъ у Гомера нерѣдко совсѣмъ особое значеніе, нуждающееся въ поясненіи; то же самое высказываетъ Галенъ относительно произведеній Гиппократа¹⁾. Но о гомеровскомъ значеніи словъ можно было узнать только изъ самого Гомера, и поэтому Аристархъ придерживался правила: для объясненія Гомера пользоваться только самимъ Гомеромъ, изучая его за то во всѣхъ мелочахъ и какъ можно тщательнѣе. Тотъ же принципъ сталъ примѣняться и къ реалиямъ, такъ какъ и въ этомъ отношеніи объясненія прежнихъ толкователей страдали множествомъ недоразумѣній и большимъ произволомъ. Такимъ образомъ, благодаря Аристарху, является настоящій методъ и получаются прекрасные результаты. Также и относительно атетезъ (т. е. отрицанія подлинности заподозрѣнныхъ мѣстъ) его методъ далъ не мало хорошихъ результатовъ, хотя и нельзя не признать, что въ примѣненіи своего обела [критическаго знака, указывающаго на неподлинность стиха] онъ заходилъ иногда слишкомъ далеко.—Другимъ примѣромъ строгой научности можетъ служить трудъ астронома Гиппарха о сочиненіи Арата $\Phi\alpha\iota\nu\acute{o}\mu\epsilon\nu\alpha$. Жившій въ то время комментаторъ Арата—Атталъ установилъ было принципъ всегда согласовать слова поэта съ явленіями дѣйствительности. Онъ исходилъ, слѣдовательно, отъ апріорнаго допущенія такого согласія, не задаваясь вопросомъ, существовало ли оно на самомъ дѣлѣ. Гиппархъ же именно отрицаетъ это положеніе и прежде всего доказываетъ, что Аратъ писалъ вовсе не на основаніи своихъ собственныхъ наблюденій, а пользовался, вмѣсто того, лишь руководствами Эвдокса, преимущественно его сочиненіемъ $\Phi\alpha\iota\nu\acute{o}\mu\epsilon\nu\alpha$. Это онъ доказываетъ обстоятельно указаніемъ ряда прямыхъ заимствованій.— Но, какъ ненаучны однако были въ то же время труды значительнаго большинства тогдашнихъ грамматиковъ и какъ мало, слѣдовательно, можно положиться на нихъ, это показалъ Кобетъ (Cobet) въ своемъ интересномъ изслѣдованіи, посвященномъ этому вопросу. У Аеензя читаемъ, что Спартанецъ Деркиллидъ имѣлъ, по свидѣтельству Эфора, прозвище $\Sigma\upsilon\phi\omicron\varsigma$ (чаша), именно вслѣдствіе своей хитрости²⁾. Но $\Sigma\upsilon\phi\omicron\varsigma$ произошло изъ $\Sigma\iota\varsigma\upsilon\phi\omicron\varsigma$ по небрежности чтенія, и вытекающая отсюда нелѣпость оставалась не замѣченной. Полидевкъ приво-

¹⁾ G a l e n u s Praef. voc. Hipp. (изд. Kühn'a т. XIX, 60 сл.).

²⁾ A t h e n. XI, 500 вс.